Может показаться, что представляемое исследование не во всем соответствует сложившимся нормам и требованиям научного дискурса. Есть несколько причин, которые обусловили специфику выбора задач и стилистики этого текста. Во-первых, он является результатом более чем 25-летнего изучения автором рассматриваемых проблем во Владивостокском институте международных отношений АТР ДВГУ (1998–2011 гг.) и Школе региональных и международных исследований – Восточном институте ДВФУ (с 2012 г.). Во-вторых, автор решал задачу анализа современного состояния осмысления международных отношений с позиций **трансдисциплинарного подхода**. Думаю, не нужно объяснять, насколько этот подход получил уже распространение среди специалистов. При этом представляемая монография, несмотря на свой теоретический характер, является не **философским**, а **научным** исследованием, так как рассматриваемые в нем основные положения и предлагаемые выводы верифицированы эмпирической аргументацией. В то же время, анализ концепций различных авторов предполагает обсуждение составляющих их **идей**. С целью же более точного отражения авторских позиций по рассматриваемым проблемам я прибегал к изложению их содержания прямым цитированием, что также бросается в глаз. Учитывая, что мы находимся в условиях колоссального **информационного взрыва**, определяющего невозможность охватить в одной работе весь массив имеющихся публикаций, даже по теоретическим проблемам, на более развернутое обсуждение были вынесены некоторые работы. На мой взгляд, они наглядно характеризуют подходы и освещение конкретных проблем. В силу указанных причин не получилось представить вниманию читателей более компактный по объему текст.

Обсуждение общих проблем трансдисциплинарного подхода в первой части работы обусловило оперирование данными из разных областей знания. Основанием для их синтеза явились принципы **сложности** (многомерности) и к**омплементарности** (дополнительности), на которых базируется современная парадигма изучения сложных явлений и систем. Важная роль в методологии анализа проблем такого уровня отводится процедуре **наблюдения** и **фигуре** наблюдателя. При всей специфике и бесспорной **сложности** социально-политических образований, включающих и международные отношения (МО), назрела необходимость внедрять такие операции и осуществляющих их субъектов в соответствующие исследования. Опыт по реализации этой задачи описывается во второй части монографии на основе нового научного направления – **антропологии** «**международных**» **отношений**, актуализирующей роль и место человека как наблюдателя в данной сфере. Но, как отметил еще Ф. Ницше: «Человеческое, слишком человеческое» – и данное обстоятельство также обусловило выход за принятые рамки обсуждения актуальных проблем, которыми занимаются специалисты-международники. (Свое видение перспектив внедрения антропологического подхода в гуманитаристику я изложил сначала в статье 2000 г. «Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания»).

В соответствии с таким новаторским требованием научной методологии гуманитарного исследования, как учет роли и позиции наблюдателя, предполагается, в частности, информирование коллег и читателей по вопросам: кто говорит, что, когда, где и что было недосказано (Эндрюс). Для вывода проблемы наблюдения из философских абстракций в реальность была показана важность культурных и этнических характеристик наблюдателя, а не только научных или политических предпочтений, образующих его персональную идентичность. При этом была обоснована несостоятельность претензий на роль культуры (культурного поворота) и идентичности как **интеграторов** для данных разных социо-гуманитарных дисциплин. В работе особо подчеркивается то обстоятельство, что установки и взгляды конкретного наблюдателя – специалиста и исследователя – формируются путем его включения в определенную **среду**

(«обмирщенность»), **многомерную** по своему составу с **реальными** и **психоментальными** (С.М. Широкогоров) составляющими. Проведенный анализ также подтвердил значимость различения позиций наблюдателей первого (эмпирики) и второго (теоретики) порядка. В контексте приведенных данных становится правомерным вывод о необходимости формирования, наряду с западными, и **незападных** теорий МО, включая и **российскую**.

В Заключении монографии предложен вариант рассмотрения сферы международных отношений на основе трансдисциплинарного подхода с учетом специфики российской познавательной традиции, открытой для усвоения достижений других традиций, и приведены выводы, полученные при его реализации. Прежде всего – это трактовка международных отношений как **сложного** (даже сверхсложного) феномена, в котором роль ведущего актора остается за **государствами**, способными к самовоспроизводству (аутопойезису). Российская традиция также всегда отличается глубоким историцизмом и основным на нем процессуальным **осмыслением** реальности. Синтез этих двух основных ракурсов рассмотрения проблемы (синхронистского и диахронистского) был реализован на примере хронополитической теории (М.В. Ильин, В.Л. Цымбурский).

Фактически, данная работа продолжает тот задел, который заложили Т.А. Алексеева, Э.Я. Баталов, А.Д. Богатуров, П.А. Цыганков и некоторые другие авторы. Поэтому представленный текст – это вклад в развитие **российского варианта** теории международных отношений, для которой характерно холистское, а также системное восприятие реальности (трансдисциплинарное), корректное (научное) понимание структур, признание значимости коллективных феноменов, в том числе этнических общностей, и явлений коллективного сознания/менталитета/психоментального комплекса, подкрепленных данными современных нейро-когнитивных наук. Поэтому автор рассматривает работы своих предшественников и свою публикацию как вклад в укрепление интеллектуального суверенитета России

P.s. Со всей ответственностью заявляю, что эта *монография* подготовлена без применения *искусственного интеллекта*.

.